

Поиски и находки

«КОРНИ» И «КОЛОКОЛА» Игоря Северянина и Николая Рубцова

Марина КОШЕЛЕВА

Вы выросли. Вы стали простым

После поэтического поединка в феврале 1918 года в Политехническом музее «король поэтов» Игорь Северянин, «отдав почтительный поклон» своим подданным, отбыл в эстонский рыбацкий посёлок Тойла. Именно здесь, в вынужденной эмиграции, на берегу Финского залива, поэт напишет в период с 1922 по 1930 годы стихотворения, вошедшие в книгу «Классические розы» (1931).

На смену «экзотике, капризу и эпатажу», воплощённым в смелых неологизмах и новаторском словообразовании книги «Громокипящий кубок» (1913) – приходит культ простоты. «Я простотой иду va banque!» – заявил Игорь Северянин в 1923 году в прологе к поэме «Колокола собора чувств».

«Вы выросли, – написала Игорю Северянину в неотправленном письме 1931 года Марина Цветаева, – Вы стали простым. Вы стали поэтом больших линий и больших вещей. Вы открыли то, что отродясь Вам было приоткрыто – природу...» Такое письмо можно было бы смело адресовать и другому поэту XX века – Николаю Рубцову. Оба росли в северной глуши, без матери. Оба ещё в детстве предчувствовали своё предназначение. И оба знали себе цену. Но при этом о своей «гениальности» писали с иронией. У каждого из двух поэтов – две половины жизни. Первая – дерзкие поиски формы. Вторая – период торжества классики.

Сопоставление жизни и творчества Игоря Северянина и Николая Рубцова может не только помочь проследить эволюцию их творческого развития, но и дать трюхи к особенностям поэзии «мокрого угла» – Русского Севера. Предлагаем сравнить творческое наследие Игоря Северянина и Николая Рубцова на примере мысловых значений образов «Кони» и Колокола».

Легко в упряжке скачут кони

Образ «Кони» в поэтических мирах Игоря Северянина и Николая Рубцова часто опирается с характерными для Русского Севера образами водной стихии – реками, порями, снегами и ледоходом. Такое сочетание наиболее характерно для воспоминаний о детских годах поэтов. Детство Игоря Северянина связано с городом Чеповцом, раскинувшимся на слиянии рек Цексна и Ягорба, и с усадьбами Сойвола (Владимировка, стоящими в 30 верстах от родда на реке Суде. Детство Николая Рубцова прошло в селе Никольском, расположенном в Тотемском районе Вологодской области на берегу реки Толшмы.

В поэме «Роса оранжевого часа» Игорь Северянин описывает начало своего зимнего путешествия из города Череповца, где в 9 летнего возраста учился в реальном училище, к усадьбе Сойвола. Здесь создавалась упоминаемая в поэме турбинная фабрика – совместное детище отца будущего поэта Василия Петровича Лотарева и его сестры Елизаветы Петровны:

*Сажусь не в городские санки,
А в наш каретковый возок,
И, сделав ручкой черепанке,
Перекрестясь на образок,
Лечу на сумасшедшей тройке
Лесами хвойными, гуськом,
К заводской молодой постройке...*

Мальчику доводилось ездить не только «каретковым возке». Ещё более его привлекала езда верхом:

*Но как же проводил я время
В присудской «Сойволе» своей?
Ах, вкладывал я ногу в стремя,
Среди оснеженных полей
Катаясь на гнедом Спирютке...*

Сельские впечатления мальчика – быстрые, «вихрем», лыжи вдоль околиц и по льду реки Суды, под «девий хохоток и шутки», наблюдения за бредущими на огонёк утомлёнными богомольцами, посещение конторы и фабрики, «взрослые» беседы с деревенскими друзьями – «старым кочегаром» и «замусленными рабочими» – соединились в памяти поэта с верховой ездой и со звучащим вдали «колокольцем проезжей тройки».

Сильные детские впечатления, связанные с лошадьми, остались и в памяти Николая Рубцова. Летом в деревне случались поездки в ночное:

*К табуну с уздечкою выбега из мрака я,
Самого горячего выберу коня,
И по травмам скошенным,
удилами звякая,
Конь в село соседнее понесёт меня.*

В стихотворении «Первый снег» поэт виртуозно описал свои зимние ощущения:

*Зачем ты держишь кнут в ладони?
Легко в упряжке скачут кони,
И по дорогам меж полей,
Как стаи белых голубей,
Взлетает снег из-под саней...*

В более поздних произведениях – «Скачет ли свадьба», «У размытой дороги» – Николай Рубцов вновь и вновь будет возвращаться к чудной картине своего детства – бегу коней по заснеженному полю. Особо запомнилось, как в Новый год в детском доме устраивалась ёлка, а вместе с нею – нечто воистину волшебное:

*Плачет звезда, холодея,
над крышей сарая...
Вспомни – о Родина! –
праздник на этой дороге!
Шумной гурьбой под луной
мы катались играя,
Снег освещённый летел
вороному под ноги.*

*Бег всё быстрее...
Вот вырвались в белое поле.
В чистых снегах
ледяные полынные воды.
Мчимся стрелой, приближаемся
к праздничной школе...
Славное время!
Души моей лучшие годы!*

О том, как повлияли эпизоды с лошадьми на пробуждение творческого начала у двух мальчиков может говорить частота (34 раза) упоминаний слов «Конь» и «Лошадь» в стихотворениях Николая Рубцова и целый ряд метафор Игоря Северянина. К последним можно было бы отнести, в частности, его ответ весной 1916 года

соседу по нарам в армейской казарме. На вопрос, «что можно пожелать начинающему поэту вроде меня». Игорь Северянин ответил: «Поэт начинающим не бывает, он берёт сразу, как лошадь с места».

Ещё одну значимую метафору, связанную с конями, можно найти в описании Игорем Северяниным весеннего ледохода в автобиографической поэме «Роса оранжевого часа»: «Вот трахнул гром по льду! Конями / Помчались льдины...». Кони-льдины Игоря Северянина олицетворяют собой одновременно и разрушительную силу природной стихии во время весеннего половодья, и радость от ожидаемого обновления:

*И вот пошла река, гуляя
Своей разливною гульбой!
Ты потрясён, Господь с тобой?
Ты не находишь от восторга
Слов...*

Аналогичные ощущения, которые можно было бы назвать «половодьем чувств», – можно найти у лирического героя стихотворения Николая Рубцова «Весна на берегу Бии». За краткой строкой о внесённом стихией беспорядке: «Сколько сору прибило к берёзам / Разыгравшейся полой водой...» следует перечисление счастливых существ, оказавшихся в эпицентре события. Среди них уже не метафорические, а вполне живые «жеребята с проезжим обозом, гуси, лошади, шар золотой... / Всё купается, тонет, смеётся / Пробираясь в воде и грязи!».

Поэт взволнован и вдохновлён картиной весеннего обновления жизни. Он и сам обновлён, согрет и спешит передать частичку полученного тепла и готовности выстоять в грозном бытии своему читателю:

*Мрак, метелица – все это было
И прошло, – улыбнись же скорей!
Улыбнись! – повторяю я милой, –
Чтобы нас половодьем не смыло,
Чтоб не зря с неизбывною силой
Солнце било фонтаном лучей!*

Колокола собора чувств

Если образ «Кони», сопряжённый с реками, снегами, льдом, весенним половодьем и верховой ездой по просторам полей, объединяет лирических героев Игоря Северянина и Николая Рубцова в пору их детства, то образ «Колокола» можно было бы отнести на два периода – юности, в которой оба поэта плывут по волнам своей штормовой жизни, и зрелости.

Колокола корабельные («рында») упоминаются Николаем Рубцовым в его юношеском стихотворении «Первый поход» (1959), написанном во время службы на Северном Флоте.

*Казался сон короче вспышки залповой,
И обострённость чувств такой была,
Что резкие звонки тревог внезапных
В ушах гремели как колокола.*

«Обострённость чувств» лирического героя на армейском корабле была ещё и потому, что любимая девушка, оставшаяся на берегу, не дождалась – ушла к другому. Юноша чувствует себя «человеком, которого смыло за борт».

Знал ли Николай Рубцов, автор юношеских стихотворений «Первый поход» (1959), «Ненастье» (1960), «Сто «нет» (1961) и «Эх, коня да удаль азиата...» (1961) о том, что свою автобиографическую поэму 1923 года Игорь Северянин назвал «Колокола собора чувств»? В прологе поэмы Игорь Северянин пишет:

*В душистом сумраке собора,
Под тихий, мерный перезвон,
Лампады нежности у взора
Глубокочтимых мной икон.*

Собор, упомянутый в этих строчках поэта, – не церковь. Это «собор чувств» лирического героя. В нём он встречается с женщинами, которых когда-то любил. По словам Н.В. Володиной, такая «контаминация» религиозного и любовного чувства характерна для поэтики Игоря Северянина, начиная с первого стихотворения книги «Громокипящий кубок» – «Очам твоей души» (1910):

*Очам твоей души – молитвы и печали,
Моя болезнь, мой страх,
плач совести моей;
И всё, что здесь в конце, и всё,
что здесь в начале,
– Очам души твоей...*

На смену экспрессии молодости: «Казни меня! пытай! замучай! залуши!» в двадцатых годах в поэзию Игоря Северянина приходит внешнее спокойствие: «В соборе чувств моих – прохлада...». Поэт с благодарностью вспоминает женщин, которых он встретил на жизненном пути. Аналогично – у Николая Рубцова. Юный герой стихотворения «Ненастье» после телефонного разговора с девушкой переносит своё негодование на телефонную будку: «Я дверь автомата открыл пинком и снова пинком захлопнул». Повзрослевший герой, даже если с любимой женщиной пришлось расстаться («Мы с тобою как разные птицы, что же нам жить на одном берегу?»), бережно хранит в памяти воспоминания о «недолгой нежности»:

*Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня?*

В глуши задремавшего бора

В книге Николая Рубцова «Волны и скалы» (1962) помимо упомянутых стихов о первой любви есть стихотворение «Левитан». В подзаголовке автор обозначил, что произведение создано по мотивам картины «Вечерний звон». Четвертая строчка – «Собор звонит в колокола» – созвучна названию автобиографической поэмы Игоря Северянина «Колокола собора чувств». Та вышла в 1925 году одновременно с автобиографической поэмой о детстве – «Роса оранжевого часа».

В статье «Колокола оранжевого часа» (1925), вобравшей в себя названия двух книг, критик Евгений Шевченко вопрошает: «Не сменяется ли у Игоря Северянина «мороженое из сирени» куском настоящего чёрного хлеба – хлеба мечты о возрождении России?». Отмечая отличие книги о детстве от нашумевшего «Громокипящего кубка», автор пишет: «Теперь в его напевах стало звучать нечто новое, от «вечернего звона».

Продолжение на стр. 10

Продолжение. Начало на стр. 9

Юмор

Ещё невняты эти новые звуки, и потому пока обозначим их именем далёкого благовеста «колоколов оранжевого часа».

«Насущный чёрный хлеб» стал необходим Игорю Северянину ещё в 1918 году. Находясь в вынужденной эмиграции, он пишет стихотворение «Возрождение».

*Величье мира – в самом малом.
Величье песни – в простоте.
Душа того не понимала,
Нераспятая на кресте.*

*Теперь же, после муки крестной,
Очищенная, возродясь,
Она с мелодией небесной
Вдруг обрела живую связь.*

Это стихотворение созвучно «Молитве» Николая Рубцова: «До конца, до тихого креста / Пусть душа останется чиста» и его «Тихой родине» («Чувствую самую жгучую, самую смертную связь»). Какие же смыслы несёт в себе образ «мелодии небесной» для каждого из двух поэтов?

В стихотворении Николая Рубцова «Весна на берегу Бии» можно найти неожиданные для атеистического времени библейские нотки: «Говорю вам: – Услышат глухие!.. / Говорю вам: – Прозреют слепые, / И дороги их будут легки...». В лирике Рубцова можно найти и другие образы теологического содержания: храмы, иконы, молитвы. Аналогично – в поэзии Игоря Северянина.

Один из общих для двух поэтов образов – пасхальные колокола. В стихотворении «Промчалась твоя пора» Николай Рубцов пишет об ушедшем в прошлое светлом празднике – «Пасхе под синим небом с колоколами и тёплым хлебом» – как о большой утрате. Игорь Северянин в своём «Пасхальном гимне» говорит о вечном: «Поют Бессмертье колокола».

Однако говорить о какой-либо последовательной религиозности Игоря Северянина и Николая Рубцова говорить не приходится. В первом случае – из-за несоответствия эгофутуризма идеалам и ценностям христианства. Во втором – из-за атеизма 40-х – 60-х годов XX века. «Небесную мелодию» оба поэта находят в природе. Вместе со «звоном колокольным» Николай Рубцов слышит «звон колокольчиковый» – от луговых цветов, окружавших храм. Игорь Северянин также соединяет образ колоколов с цветами: «Бубенчик ландыша щебечет, / и лилий колокол поёт».

Под «тихий, мерный перезвон» колоколов «оранжевого часа» Игорь Северянин пишет в 1922–1930 годах стихотворения, вошедшие в книгу «Классические розы» (1931). В своей деревенской жизни в Тойле поэт иногда посещает Пюхтицкий монастырь: «Ко всенощной зовут колокола». Но наибольшее успокоение наступит для него, когда он «раз в месяц» уходит «сам от себя» в «озёрный монастырь». Здесь всё врачует – и «гористый бор», и «сосны – мачты будущего флота», и «смирень примиряющей воды», и мечты о возвращении на Родину: «И будет вскоре весенний день, / И мы поедем домой, в Россию...»

Общие для Игоря Северянина и Николая Рубцова образы «кони» и «колокола», сопряжённые с образами тайны, родины, глуши, детства и отрочества, задремавшего бора и пения хора, и пронизывающие их поэзию на протяжении всей жизни, можно найти, в сжатом виде, в стихотворении Николая Рубцова «Тайна»:

*Чудный месяц горит над рекою,
Над местами отроческих лет,
И над родиной, полной покоя,
Широко разгорается свет...*

*Этот месяц горит не случайно
На дремотной своей высоте,
Есть какая-то жгучая тайна
В этой русской ночной красоте!*

*Словно слышится пение хора,
Словно скажут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Всё звенят и звенят бубенцы...*

Вячеслав ХАРЧЕНКО

Иногда в руки попадают тысячастраничные романы, которые невозможно читать с первого абзаца. Но иногда прочесть надо, не спрашивайте зачем, надо и все. Тогда я представляю, что вся наша русская цивилизация погибла и в руки далёкого потомка попал только этот роман. Раз он один, раз это все, что осталось от давно пропавшей цивилизации, то безусловно этот роман расшифруют, прочтут, а автора внесут в список великих писателей, как Гесиода, например. И вот эта мысль придает мне силы, безграничные, но придаёт.

Пять главных ошибок начинающих писателей.

Ошибка 1. Ваша главная ошибка в том, что вы стали писать.

Ошибка 2. Если несмотря на Ошибку 1 вы пишете, то не показывайте никому то, что вы пишете.

Ошибка 3. Если несмотря на Ошибку 1 и Ошибку 2 вы пишете и кому-то показываете, то что вы пишете, то хотя бы не называйте своего авторства.

Ошибка 4. Если вы все-таки сознались, что вы автор, то сознайтесь удалённо, например по электронной почте.

Ошибка 5. Что бы вам ни сказали по поводу вашего текста – не верьте.

Курю в сумерках. Рядом два окурка. Подходит молодой человек, подбирает их и кидает в урну. Говорит:

– Не бросайте окурки.

– Не мои, – отвечаю.

– Ну-ка, дайте пачку, – говорит.

Достаю свою пачку, он сравнивает мои сигареты с окурками, отдаёт мне пачку.

– Тогда подбирайте, – и уходит.

Как легко соблазнить литератора (шу). Просто скажите: «О, какой у вас размер, какая тонкая поэтическая ткань, какое лёгкое дыхание, и рифмы, о эти рифмы, а смысл о этот глубокий, философский смысл!». Можно даже просто сказать: «Вы старик (мадмузель) хорошо пишете». И все, берите его (ее) готовенького.

Два подростка спорят на лавке о гражданской войне. Один говорит:

– Это немцы были.

Второй:

– Какие немцы, немцы были в отечественную.

И тут такой я на белом коне, пятидесятилетний, похлопывая их по плечу:

– Ха, были немцы в гражданскую, Украину заняли, до Питера дошли, мы им там на каких-то высотах накостыляли.

– На каких высотах?

– Не помню, на каких-то.

Лезут в Гугл, на Пулковских высотах говорят, смотрят восторженно, типа сам без Гугла.

Первый второму говорит:

– Но про высоты-то он забыл.

И смотрят уже не так восторженно

Вчера в кулинарии универсама, расположенного рядом с домом брал пирожки. Пирожков на подносе было пять, а мне надо было четыре.

– Мне четыре пирожка, – говорю розоволосой продавщице.

Розоволосая с горячностью посмотрела на поднос с пятью пирожками, вздохнула и произнесла:

– Может пять возьмёте, один никто не купит.

Я тоже вздохнул:

– Мне надо четыре.

– Посмотрите какой он гарный, – розоволосая взяла пятый пирожок и ткнула мне им в нос.

Я присмотрелся. Пирожок и правда был гарный. Вздохнул и взял пять.

Пошёл за минералкой, но тут вспомнил, что не взял в кулинарии пожарские котлеты. Здесь очень вкусные пожарские котлеты готовят. Вернулся. Розоволосая как раз выносила блюдо с новой порцией пирожков.

Ни моргнув глазом она поставила при мне новую порцию пирожков и сказала:

– Что пять мало, ещё положить?

Я опешил и выдал из себя:

– Как это понимать?

Розоволосая смахнула прядь с лица, улыбнулась и сказала:

– Но ведь гарные пирожки.

В Южном городе жара тридцать градусов, но никто из соседей не включает кондиционер. Нет, они есть-то, кондиционеры, но никто их не включает. Типа тридцать – это не жара, а для меня северного человека, тридцать это уже жара. Поэтому кондиционер я включаю, но стыдливо, ненадолго, чтобы никто не заметил, хотя что тут не замечать. Я как открою рот, сразу все понимают, что я не местный. Ни гыканья, ни тюканья.

В русском языке есть:

Да – согласие.

Да-да – подсогласие.

Да-да – отрицание.

Даааааааа – удивление, скепсис.

Прожив 32 года в Москве и 3 года в Южном городе, я могу уже вносить свой вклад в благоустройство городов и парков. В северном городе скамейки должны стоять на солнце, а в южном в тени.

Попросили написать, что я люблю делать в свободное время.

Написал: «Писать ерунду, читать труды философов, купаться, слушать музыку, смотреть на море, гладить котов, пить кофе, сидеть в ресторане, выступать с ерундой, болтать с друзьями».

Зачем это кому-то надо, не знаю. Наверное какое-то психологическое исследование, чтобы управлять людьми. Как на базе этого мной управлять, не знаю.

Первое моё знакомство с артритом произошло смешно. Я лёг спать, проснулся, а большой палец на ноге болит. Я стал думать, что обо что-то ударился во сне и выбил его. Вспоминал сон, но ничего не мог вспомнить. Раз палец болит, то пошёл в травмпункт, но там хирург, осмотрев мой палец стал надо мной ржать. Типа чего пришёл, это артрит.

– Какой артрит я же ничего не выбивал. – сказал я.

– Ну и что, – ржёт молодой хирург.

– А почему болит, – спросил я.

– От старости, – ответил хирург.

Так я в 49 лет впервые столкнулся со старостью.

Нажал что-то на телефоне, и у меня вместо заставки появляются собаки. При каждой новой разблокировке новая собака. Это ад, ад для кошатника.

Весь день страдал. Ждал зарплату. Зарплата обычно приходит в последний рабочий день месяца в 12 часов. А тут нет и нет, в 13 стал волноваться, в 14 бросил работать, в 15 впал в депрессию, в 16 в панику, в 17 искал новую работу, и только в 18 посмотрел на календарь и понял, что в мае 31 день, а сегодня 30-е.

А я ведь их всех знаю, всех их видел, разговаривал с ними, даже выпивал и сидел за одним столом. Стихи многих гуляют по сетям. Многих нет уже с нами. Наверное когда-нибудь мне придётся написать что-то о каждом из них.

Как то раз я сидел с Сашей на берегу Аянского водохранилища и курил, как он вдруг ткнул в какой-то еле заметный желтый цветок и сказал с гордостью:

– Это Ясколка Бибирштейна.

Я внимательно всмотрелся в цветок и протянул:

– О-о-о Я-я-я-яска-а-а-лка-а-а-а Бибирштей-е-е-ейна.

Неведомые мне до этого слова леденцами перекачивались по языку.

– Да, Ясколка Бибирштейна, – повторил Саша.

– Можно я запишу это название?

– Зачем? – спросил Саша.

– Вставлю куда-нибудь в рассказ.

– Ну вставь, вставь, – засмеялся Саша.

Я вынул мобильный телефон и, высунув язык, медленно записал в блокнот: «Ясколка Бибирштейна».

– Дай-ка посмотрю, правильно ли ты записал, – сказал Саша.

Я дал телефон Саше. Он несколько минут вглядывался в экран.

– Вроде правильно, – сказал он и отдал мне телефон.

Я потом долго искал, куда мне вставить

Ясколку Бибирштейна, но за полгода так и не нашёл. Так и лежит у меня в телефоне ничего не значащая запись: «Ясколка Бибирштейна».

Я до сих пор не знаю, как я закончил математический факультет. Мне мои сокурсники до сих пор так и говорят: «Слава, как ты это сделал!». Причём, закончил я вполне пристойно. Со средним балом 4, что позволило мне поступить во внешнюю аспирантуру. У меня странное сознание. Я очень быстро и легко схватываю логику и верхи любой области знания, даже не понимая глубинной сути. Если меня не копать, то похож эрудита, хотя скорее это интуиция. Это помогает хорошо ориентироваться в большом объёме информации, но собственно полноценного знания не даёт.

Завтра приезжают тетя и дядя. Я как добрый племянник забил холодильник едой: колбаса, сыр, сало, сливочное масло, редиска, шампиньоны, кабачки, морковь, свёкла, яйца, сникерсы, маринованные огурцы, закуска столичная, оливки, финики, тушёнка и килька, красная икра и мармелад. И напоследок, как украшение стола – коньяк «Коктебель-Резерв» на французских спиртах. Они будут два дня ехать в Крым на машине и вот им надо будет по приезду немного поесть, выпить и закутить.

Я забил холодильник, сфотографировал содержимое и послал по ватсапу. Мне сказали, что я молодец. Потом я сел писать роман про своего кота. Пошёл дождь, похолодало. Роман про кота не писался. Кот спал на кровати, а роман про него не писался. Тогда я залез в холодильник, осмотрел все богатство и решил, что если отъесть небольшой кусочек сала, то во-первых работа наладится, а, во-вторых, тетя этого не заметит. Дело стало налаживаться. Кот в романе ловил мышей, я ел сало (и не только), роман писался. Когда в романе происходило торможение, я лез в холодильник, а когда роман совсем затормозился, я открыл коньяк. С коньяком все пошло особенно в гору. Кот не только ловил мышей, но и скакал на коне, летал на ракете на Марс и руководил восстанием сипаев. В общем, обрёл вдохновение. Писал и писал всю ночь, но когда я поставил точку, то обнаружил, что я выпил весь коньяк и съел всю еду: и морковку, и шампиньоны и красную икру. Долго страдал, испугался, думал о плохом, но потом вдруг подумал, что добром сердцу пустой холодильник не помеха, а у тёти доброе сердце.

Пока я курил с котом во дворе, мимо нашей изгороди прошли девочка с баталайкой, мальчик с флейтой и женщина с контрабасом. Я не знаю, какой из этого сделать вывод, не знаю.

Только в России банкротство физического лица вызывает столько радости. Вот например приходит англичанин Билли к своей жене Стейси и говорит:

– Стейси, мы банкроты.

Стейси рыдает. Ей теперь идти на панель а детей сдадут в приют.

– Ыыыыы, – воет Стейси.

Билли берет пистолет, подносит к виску и стреляется. Дети душатся угарным газом. Стейси вскрывает вены.

Картинка же русского банкрота отдаёт изрядной порцией оптимизма.

Ликующий человек кидает к потолку кепку и кожаный портфель, дети верещат от смеха, жена визжит от вдохновения. На заднем плане играет незабываемая композиция: «Я свободен словно птица в вышине».

И Гендальф, и Гендель, и Грахх на коне

Сегодня во сне померещились мне.

Я долго крутился, проснулся в поту.

Ведь жизнь предложила одну суету.

Чтоб в смутных видениях видельсь мне!

И Гегель, и Гедель, и Грахх на коне.

«Ещё немножко про урок». Зацепился взглядом в ленте. Вот, думаю, опять эта воровская романтика лезет. Везде эти уголовники, сладу нет. Потом вчитался. А это про урок. Про литературу детишкам.

– Горло болит.

– Сильно?

– Сильно. Дерёт. Может у меня ковид?

– Не бойсь, не ковид, сейчас в моде обзьянья оспа.

Оценили 19 человек